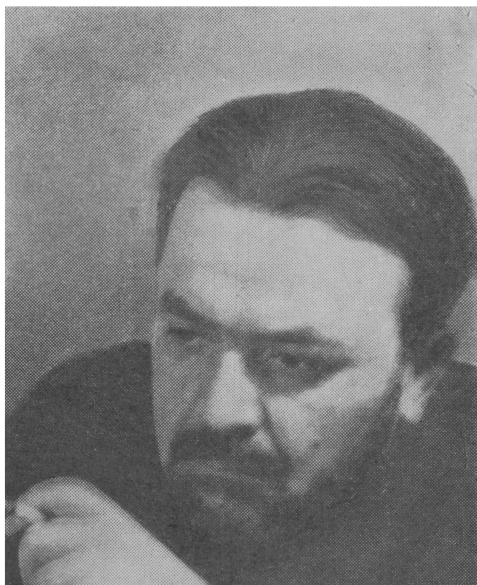

БИБЛИОТЕКА

№ 50

1966

Геворг ЭМИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ДОЖДЬ В ЕРЕВАНЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЬКА» № 50

Геворг ЭМИН

ДОЖДЬ В ЕРЕВАНЕ

СТИХИ

*Авторизованные переводы
с армянского*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1966

Геворг ЭМИН

Геворг Эмин родился в 1919 году в армянском селе Аштарак в семье учителя. В 1927 году семья переехала в Ереван.

В 1940 году Эмин окончил гидротехнический факультет Ереванского политехнического института. Учебу в институте он совмещал с работой в Книжной палате, Научно-исследовательском институте по изучению древних рукописей (Матенадаран). По окончании института был прорабом на строительстве районной гидроэлектростанции Тускулигэс.

С 1942 по 1944 год Эмин служил в рядах Красной Армии. Затем работал в Союзе писателей Армении, был собственным корреспондентом «Литературной газеты».

В 1954—1956 годах окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей в Москве.

Первая книга стихов Эмина на армянском языке «Нахашавиг» («Предпутье») вышла в 1940 году.

В последующие годы его сборники были изданы на армянском и русском языках, на языках народов Советского Союза и стран народной демократии.

Основные издания на русском языке: «Стихи» (1947), «Новая дорога» (1950), «Три песни» (1957), «Перед часами» (1962), «Стихи» (1963).

В настоящую книгу вошли главным образом стихи последних лет.

Тяжелым инструментом руки трудишь,—
Так ты сидел когда-то молодым
И в старости

сидеть все так же будешь!

А золота все нет.

И нет покоя.

Ищу. Ищу. Ищу —

не нахожу.

И, словно серный дым,

от глаз рукою

Мечты о тихом счастье отвожу.

ПЕРВАЯ КНИГА

Юнец, впервые девушку целуя,
Что думает? Спросите у него.
Он думает, что, кроме поцелуя,
Не существует в мире ничего.

Юнцу такому может показаться,
Что даже старцы, бабки, бобыли
Спешат куда-то в парки целоваться
Иль со свиданья только что пришли

Вот так я с первой книжкой под мышкой
Иду сейчас по улице — поэт! —
Воображая, что над этой книжкой
Уже склонился чуть не целый свет.

ПЕРЕД ЧАСАМИ

Ты велик, говорят,
Я же мал, говорят,
Но взгляни-ка на этот большой циферблат, —
Ты — минутная стрелка,
за каждый мой шаг
Ты двенадцать шагов совершаешь подряд.
Я иду и молчу, я иду и молчу,
Я тебя от себя отделять не хочу,
Мне особую славу стяжать не дано,
Мы единому времени служим с тобой —
Указуем с тобою мы время одно:

Я — часы,
Ты — минуты,
И мне все равно,
В остальном как угодно, дружок, поступай,
Как угодно шагай, как угодно ступай,
Будь великим,
Всю славу себе забирай,
Как угодно дыши,
Что угодно решай...
Только, слышишь,
Ты двигаться мне
Не мешай!..

✱ ✱

Спросили вы меня или не спросили,
О чем грущу я, —
 расскажу сейчас
В Египте где-то древний город вскрыли
И под пластом многовековой пыли
Что б, вы подумали,
Дошло до нас?

До нас дошли
Четыре каменных Рамзеса!
(Хотя б один!)
И в них одно и то ж —
Четыре меры и четыре веса,
Четыре силы и четыре злобы —
Четырежды умноженная ложь.

Но ведь четыре тыщи лет назад
Стихи слагали,
Плакали, любили,
Вино из жбанов глиняных цедили,
И погибали, и негодовали,
Творили, созидали и мечтали,
И жил народ, стоял великий град.
Тесали камни, строили из леса...

А что до нас дошло?
Угрюмый взгляд —
Дошли четыре каменных Рамзеса.
Четыре зла,

Четыре палача,
Четыре были или небылицы,
Торчавшие на площадях столицы
Тому четыре тыщи лет назад...

...Вот так-то, друг!

* *
*

Дерево я посадил!
Это счастье никто не отнимет.

Знаю, что вы удивляетесь много столетий,
Много веков все тот же вопрос себе задаете:
«Как он обходится,
Чем он живет,
Если мы отбираем
Все, что он делает, вырастит или посадит?
Дерево — взяли.
Плоды — отобрали.
Как он живет?
Что ему остается?»

Нет, ошибаетесь!
Многое мне остается!
Дерево я посадил!
Это счастье никто не отнимет.

* *
*

Знаете, как ловят обезьян?
На дно узкогогорлого кувшина сахар
укладывается,
обезьяна жадную лапу сует в кувшин,
хватает сахар
и радуется.

Но как бы она ни старалась,
не может она
вытащить лапу,
в кувшин вложенную:
разожметя кулак — сахара нет,

а кулак с сахаром вытащить

невозможно.

Вот как обезьяну за лапу ловят в сосуде.

Но какое нам дело до этого?

Мы же — люди!

$$2 \times 2 = 4$$

Я с детства запомнил эти слова.

Все взрослые люди в мире

Долбили, как дятлы,

что дважды два —

Хочешь не хочешь —

четыре.

Но я убеждался

опять

и опять —

Результат бывает иной:

И дважды два

иногда пять,

А иногда и ноль.

Затем,

разумеется,

взрослых вина

За то, что истину прятали,

Я стал сомневаться в том,

что меня

В школе

учили правильно.

Но я излечился

и понял, смущен,

Доволен своим излечением,

Что крепче становится

каждый закон

Благодаря исключениям!

* *
*

Зима прошла.

Деревья снег стряхнули.

Зима прошла.

Ты не стряхнул печали.

По-прежнему с тревогой и опаской
Осматриваешь вешние деревья:

Какое зацветет?
Какое
Промерзло, умерло, убито
И никогда об этом не узнает?

Зима прошла.
Да здравствует весна
И вешний сад!
Но... сколько в нем деревьев
И сколько дров?

БЕССМЫСЛЕННЫЙ ДЕНЬ

Что я делаю?
Сам я не знаю сегодня, что делаю,
Поседевших волос
Тщусь я выдернуть прядочку белую.
Камень в гору качу,
А ведь знаю: напрасные хлопоты.
И согреться хочу,
Когда двери неплотно захлопнуты.
Мне ненадобный сруб
Возвожу, к своему удивлению,
И лечу себе зуб,
Подлежащий давно удалению.
В миске зерна варю,
Для посева весеннего годные,
И сажаю цветы
Там, где воды свергаются горные...
Впрочем, что ты ни делай,
Земля под ногами качается,
Если самое в жизни заветное
Не получается.

* *
*

Ты и ветер похожи: неумный и шумный,
Ты такой же бездомный
и такой же бездумный.

То несешься вдогонку за неведомой тучей,
То на миг застываешь у ромашки пахучей.

С полевой ромашкой не закончив беседу,
Ты бросаешь беседу и несешься по свету.

Из долины — на кручу, на крутые камни,
Из заоблачной выси — в городское кипенье.

И другим уже бредишь и по улицам бродишь,
Подходящего дела для себя не находишь.

Заржавелым железом зазвенишь спозаранку,
С тополями бульвара заведешь перебранку.

Пешеходов спешащих на ходу задеваешь,
Под мостом пролетаешь, чехарду затеваешь.

Непонятым томленьем огорчаясь и мучась,
Ты свою проклинаешь беспокойную участь.

Что ты ждешь ежечасно,
 что грустишь повсеместно —
Никому не известно, и тебе не известно...

Но послушай, приятель! Время мчится и тает,
Час за часом уходит, день за днем улетает.

Ветру думать не надо, он себя не тревожит;
Он себя не тревожит, ибо думать не может.

Ты же, вечным томленьем огорчаясь и мучась,
Все клянешь свою участь,
все клянешь свою участь.

И безвольные руки, словно плети, повисли...
О приятель, опомнись, оглядись,
поразмысли!

ГАМЛЕТ

Гамлет! Нам не по пути с тобою.
Дорог час. Не время слезы лить.
В гуле пушек, в клокотанье боя
Нет вопроса «Быть или не быть?».

То не призрак бестелесый мямлит,
Сына об отмщении моля, —

Целый мир сегодня стонет, Гамлет,
Под мечом кровавым короля.

Что с тобой? Иль ты ослеп от дыма?
Иль тебе сквозь грохот не слышны
Лязг цепей и плач твоей любимой
Из далекой датской стороны?

Праздное раздумье в наши годы
Не спасет от горя на земле.
Не дождавшись твоего прихода,
Умерла Офелия в петле.

Так к чему ж на сцене строить сцену?
Ясно все! Актеров отпусти.
Видишь сам, где кроется измена.
Вот он, враг. Бери ружье и мсти!

Если в казематах стынут трупы,
Горе душит мир и сумрак сер,
Страх и колебания преступны,
Вялость — гибель, промедление — смерть.

Книгу милосердия закроем!
Гамлет, встань! Тебе идти велю!
Мы солдаты! Мы могилу роем
Черному убийце-королю!

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ СОН

Мне снилось,
Будто шел солдат с войны.
Он шел из окруженья. Был он ранен.
И, может, потому он был так странен
И были так глаза его грустны.

Он шел дорогой дальней,
Непрямой
И вот дошел до моего порога.
— Не скажешь ли, товарищ, где дорога,
Что покороче б вывела домой?

Я говорю ему:
— Войди в мой дом.
Тебе, солдат, привал короткий нужен.

Мы печь затопим и согреем ужин.
Поспишь да и пойдешь себе потом.

А он мне:
— Спать, приятель, не пора.
Спасибо, не хочу тебя обидеть,
Но я спешу. Я должен мать увидеть.
Боюсь, что не успею: ведь стара.

И он ушел.
Еще, как метроном,
Его костыль постукивал устало,
Когда проснулся я. Уже светало.
Шел дождь, и были лужи за окном.

Ах, сон чужой!
Он спутал все пути.
А этот сон, наверно, мать искала.
Наверно, глаз печальных не смыкала
И не могла никак его найти.

НА СМЕРТЬ БРАТА

День этой смерти с каждым днем все дальше,
След этой смерти с каждым днем все глубже,
Как будто вновь я, босоногий мальчик,
Ищу с тобой в саду места поглуше,
Как будто бьют тебя, а я не знаю,
Как будто в виноградник ты забрался
И бросилась к тебе собака злая,
А я не защитил, не догадался.

День этой смерти с каждым днем все дальше,
Скорбь этой смерти крепнет, нарастая.
Я старше стал, умнее стал и даже
Читаю Гейне. Да, стихи читаю.
А ты подходишь — худенький мальчишка
С печальными и черными глазами, —
Но я не поднял головы над книжкой:
Иди, мол! Не мешай! Не видишь — занят!

Идут года... Я вырос. Я женился.
Кричу на сына: «По полу не лазай!»

А ты не вырос. Не переменялся.
Ты умер.

Мальчик

робкий, черноглазый
В мой дом заходит, словно снова хочет
Мне что-то рассказать, поведать тайну,
Но сын игрушкой на ковре грохочет,
Жена не в настроении случайно.
Она ворчит. Она тебя не слышит,
А ветер листья за окном колышет,
Совсем чужим кажусь тебе я снова,
И ты уходишь,
не сказав ни слова.

Идут года...

Я скоро старым стану,
Все будет. Одного тебя не будет.
Но только ждать тебя не перестану,
Но только скорбь с годами не убудет.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Ах, наши матери наивные,
ах, наши матери упрямые!
В своей любви всегда надмирные,
они везде

все те же самые.

О молоко их белым-белое,
такое чистое и доброе!

Они нас пеленают,

бедные,

и моют нас водою теплою.

Мать сыну говорит:

«Ты мой...» —

его качая на коленях.

Улыбка губы ей колеблет
тишайшей радостью земной.

Не знает, бедная, что он,
он, сын ее,

с рожденья отнят

и где-то в списки занесен,
чтобы с ружьем в окопах мокнуть.

Ждет где-то женщина его,
и где-то пуля ждет, быть может...

А мать не знает ничего,
ее все это не тревожит.
Мать сыну говорит:

«Ты мой...»

Но стоит ей в окно взглянуться —
там тысячи его владельцев
стоят и ждут с усмешкой злой...
Они стоят,
а ей не видно.

Дитя —
ей кажется —
упрятано...
Ах, наши матери наивные!
Ах, наши матери упрямые!

* *
*

Под окнами идет война с утра:
Играют дети нашего двора.
Они камнями весело кидаются,
Они в пыли отчаянно катаются,
Расходятся и снова хороводятся,
Ну, в общем, детская война,
как водится.

На эту битву горестно глядит
Безногий Сет,
угрюмый инвалид.
Не понимает!
Диву он дается!
Кто на войне ликует и смеется?
«Мне памятна война совсем другая», —
Он думает, костыль передвигая.
Стоит безногий
с детской битвой рядом
И обжигает всех печальным взглядом.
«Какое дело дяде с костылями
До войн, что происходят между нами?..»

А Сет не может наблюдать спокойно:
Ему привиделись иные войны,
И камень кажется ему снарядом,
И прутья кажутся ему штыками.

Да что ж ему
стоять нейтрально рядом?
Ох, и поговорит он с сопляками!
— Марш по домам! — грозитесь он двору. —
Нашли себе, беспутные, игру!
А дети только весело смеются
И вновь сражаются, воюют, бьются,
Кричат «ура» и снова Сета дразнят...
Идет война, похожая на праздник.

Кто ж объяснит и растолкует детям
Разумно, убедительно, спокойно,
Что костылем кончаются — вот этим —
«Веселые» и «праздничные» войны?

* *
*

Кто сильнее человека,
Кто слабей человека,
Скажи?

Человек за земные шагнул рубежи,
Грозный атом разъял,
Но остался он хрупким сосудом,
Той же чашей тончайшей,
Той же кровью прозрачной,
Пульсирующей по сосудам.

Человек — он гигантские скалы взрывает,
Но ничтожная пуля
Его убивает,
Живого —
И незримая пуля,
И жестокая шутка
И суровое слово.

Человек не сравнится и с ящеркою полевой —
Отрубите ей хвост,
Прирастет как ни в чем не бывало.
Или червь дождевой —
Разрубите его пополам,
Он живой
И живет как в ни в чем не бывало.

НАД ДРЕВНИМИ РУКОПИСЯМИ

Приснилось мне: в монастыре Севанском,
Луною полуночной осиянном,
Под ливень и далекий звон копыт,
Дитя рассвета, ненавистник мрака,
Я мучаюсь, Геворг из Аштарда,—
Художник, летописец и пиит.

Себя я знаю: я земной и шалый,
Я первый среди грешников, пожалуй,
И я последний из всех святых.
Но я молюсь, молюсь сегодня богу,
Его я призываю на подмогу
В неразрешенных сложностях своих.

Писать молитву поручили в прозе,
А я — я написал стихи о розе,
Не розами, а ладаном дышу.
Трактат о древе страшного распятия
На половине бросил, и опять я
Про древо жизни вечное пишу.

Не знаю, кто меня уж угораздил,
Но вместо глаз твоих — о богоматерь! —
Глаза Хумар — крестьянки молодой —
Я на листах Евангеля рисую,
И все увещевания впустую!
Ну что ж поделать мне с моей бедой!

Да и беда ли это? Сомневаюсь,
Исправиться совсем не порываюсь,
А прорываюсь к жизни. Здесь тоска.
Благословляю сладостные миги,
Когда еретиков читаю книги,
Достав их при свече из тайника.

Меня такого создала природа
Не для молитв, а для тебя, свобода,
Свод кельи мою душу не согнет!
Ни отлученья не боюсь, ни плахи!
И не пугают ночью меня страхи,
Что буду вызван на святой синод.

.

Века прошли в своем движенье грозном.
Уже ракет промчалось столько к звездам!
Но до сих пор не сплю, когда все спит,
Дитя рассвета, ненавистник мрака,
Я тот же все Геворг из Аштарака —
Художник, летописец и пиит.

Я АРМЯНИН

Я стар, как Арарат. Я древний армянин,
И башмаки мои от вод потопа влажны.
Здесь Ной топтал снега сияющих вершин,
Ваала грозного сразил мой меч отважный.
И камень, с незапамятных времен
Поросший мхом, я обтесал упрямо,
Чтоб он, моею кровью освящен,
Лег в основание языческого храма.
В долине Арарата на заре
Я, отложив свою кирку и молот,
Огонь затеплил в халдском алтаре...
Я молод был тогда, и Арарат был молод.
Но каждый лепесток в долине стал багрян, —
Все, что от века было возвращено в ней,
Всходило только на крови сыновней.
Здесь все холмы скрывают прах армян.
Испытанным щитом встречал я натиск вражий.
Стократ я ранен был и побеждал стократ.
Я армянин. Я стар, как Арарат,
И голову держу я выше горных кряжей.
Мне каждый новый век страданья приносил.
Кто сыновей моих по всей земле развеял?
Кто Арарат дождем кровавым оросил,
Под корень подкосил ростки, что я взлелеял?
Я жил, дышал средь выжженных полей,
На щебне пустырей, на черном пепле,
Но кровь свою я превратил в елей
И заново светильники затеплил.
Из множества мечей сковал я лемеха,
Сынам своим вернул отцовскую опеку,
Их скорбь я воплотил в дыхание стиха,
Подобно новому Григорию Нарёку.
Я армянин. Как Арарат, я стар...
И Арарат бы сокрушила сила
Моих страданий. Первый свой удар

Кто в старости мечтает о покое,
Кто знает все и утверждать готов,
Что в радуге всего лишь семь цветов!..»

И старый мастер сильною рукою
Отводит от лица седую прядь,
Он ищет краски новые опять,
Чтоб каждый раз по-новому писать
И свет, и тень, и горы, и долины.
И снова молод взгляд его орлиный.

ДОЖДЬ В СТАРОМ ЕРЕВАНЕ

Оранжевое солнце, как паук,
Высасывало соки из земли,
И Ереван, как каменный котел,
Был воздухом расплавленным
наполнен.

Струя фонтана гасла, как свеча,
И тени лезли под ноги деревьям
И там лежали, высунав язык,
Как сонные собаки.

Проходили
По улице прохожие неспешно,
Обмениваясь походя словами:
— Привет вам!

— Как живете?

— Ничего!

— А ваши как?

— Да ничего, спасибо!

И снова растворялись в духоте.
И местный гений

бред по тротуару,
Вовсю ругая критика,

и нищий,
Как барельеф, лепился у стены.
Шла девушка —

она была похожа
На вянущий цветок.

И был на воблу
Похож старик на пыльной мостовой.
Тащи́лась конка

по горячим рельсам,

И люди, от жары изнемогая,
Ворчали по любому пустяку.
— Хотя бы ветер, что ли!

— Нет, не нужно!

— Куда вы прете!

— Хам!

— От хама слышу!..

...А в это время туча набежала,
Потом еще,

и вот уже две тучи

Столкнулись

и ударили друг друга,

И молния соединила их.

И грянул ливень

под аплодисменты

Окрестных листьев,

и жара поникла,

И дерево, заглядывая в лужу,

Причесываться стало под дождем.

А ливень лил.

Он создавал скульптуру

Из тел девичьих

и промокших платьев.

И люди торопились, чтоб укрыться

В подъездах магазинов и кино.

Там,

в тесноте,

прижатые друг к другу,

Они уже смущенно улыбались.

Хоть до того и не были знакомы,

Они легко вступали в разговор.

Поэт кого-то слушал терпеливо,

А в голове его рождались строки,

И все вокруг казалось обновленным,

И все возможным было

в этот миг.

Весь мир казался заново рожденным,

Печали все остались за спиной.

Но это продолжалось лишь минуты,

И дождь прошел —

как не было его.

Опять старик

на воблу стал похожим,

И девушка нахмурилась,

и нищий

Приклеился к стене,
и снова вспомнил
Поэт о кредиторах —
вдохновенье
Покинуло его...
И снова солнце.
Горячий город.
Скука.
Пыль.
Жара.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Шуршат чуть слышно тополя листвою,
Темнеют над деревней небеса.
На крыше на луну собака воет,
Как будто видит там другого пса.

Звон колокольчиков невесть откуда...
И горы в полуночной тишине
Напоминают караван верблюдов,
Несущих вдаль деревни на спине.

Со снежных высей слушают века,
Как ветерок дрожит над тополями.
И Млечный Путь, как тихая река,
Течет небесными полями.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Меня и на свете не было,
а ты уже было, дерево,
а ты уже старым было.
И плач ты мой первый слышало.
Ты помнишь те слезы, дерево?
Я думаю, не забыло.
Ты друг моих игр, о дерево!
Меня ты счастливым делало,
когда я в тебе скрывался.
Одна из многих свидетельниц —
вот эта ветка высокая:
не раз я с нее срывался.

Ты всякое в жизни видело,
но ты моих тайн не выдало,
нет, листья о них молчали.
Две буквы (ах, два свидетеля!)
на ветке твоей я вырезал,
в любовной томясь печали...
Не знаю, где век мой кончится,
но где бы он ни закончился,—
я верю, легко и нежно —
хотя бы один-единственный
из листьев твоих желтеющих
ко мне долетит, конечно!

* *
*

Кто вернет мне
Детства ясный день —
Этот ливень, этот проливень,
Этот беспричинный и счастливый
Звон души, и доброту, и лень,
Вольные затей, и дела,
И печаль, которая светла,
И веселье, легкое, как тень,
И незнание никаких потерь,
Задышающиеся слова,
Трепет камня, листьев, естества...
Кто вернет мне
Той тоски намек,
Испаряющийся, как дымок,
Те утра, похожие на праздник,
Что на целый день продлиться мог;
Когда я скакал, сбиваясь с ног,
Просто так, в порыве ликования,
Словно жеребенок-сосунок;
Или, словно жаворонок вешний,
Я клевал созвездья на заре;

И когда земля трубила в рог,
Тучи ударяли в синий бубен,
И когда у самых у ворот
Начиналась даль
Светло и пусто...

Где то утро? Где начало дня?
Неужели это
 для меня —
Навсегда утраченное чувство?

* *
*

По яростной Лорийской крутизне,
Красою неприступною плененный,
Я тихо проезжаю на коне
Усталом.
 Медлен шаг тяжелозвонный.
Та красота, что греет сердце мне,
Не вызовет восторга в скакуне:
Болят бока,
И трудно восхождение. —
Ни времени,
Ни сил
Для восхищенья.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Есть у любви свое начало
И свой конец. Но тем странней,
Что в этот раз — прощанье с ней
Ее рождение означало.

* *
*

Я написать хочу слова на музыку дождя,
Зарифмовать порывы ветра,
Найти мелодию легчайших дуновений,
Что слышится в лесах порой осенней,
И вслух читать речитатив ручья.
Я рисовать хочу, как тополь тонкой кистью
Рисует в небе все, что скажут листья,
Хочу лепить движение и трепет,
Лепить, как ветер встречных женщин лепит,
Хочу понять все то, что после стольких дней,
 и стольких слов,
 и стольких слез,
 и стольких поцелуев

Неясно для меня в душе твоей.
В твоей душе, которой я объят,
Как этим небом, ветром и дождями,
И рощами, что тихо шелестят,
И речками, что шепчут меж камнями,
И прихотью тропинок, что всегда
Меня к тебе ведут как бы случайно,
К тебе, чья речь близка мне и чужда,
Как речь природы, простотой и тайной.

* *
*

Ты бы в гости ко мне пришла,
Не была давно у меня,
Горе песней бы прогнала —
Прижилось оно у меня.

Вьется горлица в тишине
Над оконницей у меня.
Я б увидел тебя во сне,
Да бессонница у меня.

* *
*

Снег по улице летает,
Он летает, тихо тает,
Тихо девушка бредет,
Слезы горькие глотает.
Отчего ее шатает?
Отчего она глотает
Снег и слезы в Новый год?
Ей узнать пришел черед,
Как порою жизнь пытается
И как счастья не хватает...
Потому-то и бредет,
Слезы горькие глотает,
Ветер варежкой хватает
И, наверное, считает:
Счастье больше не придет...

Все, как этот снег, растает,
Все, как этот снег, пройдет...

* *
*

Я не могу.
 С меня довольно!
За что мне эта боль дана?
И нет любви,
 а больно,
 больно,
Как будто есть еще она.
Любовь,
 ты мстишь мне за утрату!
Так через много-много лет
Болит ночами у солдата,
Болит рука,
 которой нет.

ЖЕНЩИНЕ С ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ

И что со мной случилось —
 не пойму!
Куда я ни поеду,
 ни пойду,
И справа вы —
 зеленые глаза,
И слева вы —
 зеленые глаза,
И позади —
 зеленые глаза,
И впереди —
 зеленые глаза...
Как на обрыве, грозном
 и крутом,
Я жмурюсь:
Все зеленое кругом!
А ты смеешься:
 «Испугался,
 да?»
Ты что,
 не видел моря никогда?!
Суда в нем пропадают без следа.
Гляди,
 какая темная вода!»
И я увидел на камнях цветных

Медуз,
бессильно тающих на них,
И я увидел у замшелых глыб
Обломки досок,
выброшенных рыб.
И море,
волны к берегу гоня,
Нечистой пеной обдало меня!
Но, не поддавшись хитрости такой,
Я эту пену отстранил рукой
И, пену отряхнув с руки,
шагнул
В туманный холод
и туманный гул.
И море стихло,
выпрямившись вдруг,
В нем были и смущенье и испуг,
И, засмеявшись,
я сказал тогда:
«Ты не обманешь —
чистая вода!»
...Ко мне припав средь звездной темноты,
От счастья,
словно море,
плачешь ты,
Припоминая все,
как в полусне,
Смущенно улыбаешься ты мне.
Так море улыбается светло,
Забыв о том,
что к скалам нанесло.
Ты думала, что пена —
это ты,
В тебе открыл я столько чистоты!
И в глубине твоих зеленых глаз
Тебя
я от тебя самой же спас...
Блестят глаза,
и каждый —
как слеза...
Какая б в жизни ни была гроза,
И справа вы —
зеленые глаза,
И слева вы —
зеленые глаза,

И позади —
 зеленые глаза,
И впереди —
 зеленые глаза...

РОЯЛЬ

Он был уже давно похож на шкаф,
На старый шкаф
 с одеждой пропыленной.
Хозяин его запер на замок,
И спрятал ключ в кармашек,
И расставил
На нем слонов
И гипсовых амуров,
И то, что было некогда роялем,
На шкаф старинный
 стало походить.

А в комнате был шум,
И штукатурка
Со стен валилась,
И плясали гости.
А под высокомерными слонами,
Как стебельки,
придавленные камнем,
Дышали напряженно фуги Баха,
И грустные напевы Комитаса,
И ко всему глухой уже Бетховен,
И оглушенный криками Шопен...

Играли в нарды
И долму варили,
И белой пеной пиво исходило,
И ел шашлык хозяин,
Были оба
Жирны они —
Хозяин и шашлык.
От плясок и от пьяного рычания
В роале тихо вздрагивали струны.
Они печально, жалобно звенели.

И вот тогда я вышел из себя...
Я распахнул рояль в одно мгновенье,
Я клавиши холодные погладил,
Я вышитую белую дорожку
Рванул —
И семь слонов упали на пол
И безработный гипсовый амур.

И снова шкаф старинный
Стал роялем,
И вновь душа рояля трепетала.
Она рыдала, буйствовала, пела,
Со мной одним обидами делаясь.

И гости загалдели:
«Что случилось?»
«Ах, наш поэт!
Он пить совсем не может!»
«Да что вы,
он слонов задел случайно!...»
И сам хозяин подошел к роялю
И молча его запер на замок.

Я шел домой.
И ветер дул попутный,
И знал я точно, что мне надо делать,
Пусть гипсовый амур себе смеется,
И пусть грозятся белые слоны.
Не плачь, рояль,
Постой,
Не надо плакать.
Я все равно спасу тебя, рояль!

* *
*

Ах, какая стужа!
Как она жжет!
Как стрелы выюги ныне остры!
Но любовь,
хоть время спешит, не ждет,
Пуще разжигает свои костры.
Пляшет Анитра передо мной,
Ингрид
в тоске зазывает меня.

Все глубже голос любви земной
День ото дня,
 день ото дня.
Сердце переполненное
 вершит свой бег,
Ах, как неистов любви костер!
Это ничего, что короткий мой век
Над головою
 снега простер.
О Анитра,
 пляши, пляши...
Плачь, моя Ингрид, к себе маня...
Все же найду я тот дом в глуши,
Где моя Сольвейг ждет меня.

ГРЯДУЩЕМУ

Помоги же мне не ошибаться:
Если сплю — пораньше просыпаться,
Если делом занят — не лениться,
Если дверь открыта — не ломиться!
Помоги несделанное дело
Не принять за счастье без предела.
Помоги мне! Дай большое право
Не кричать о славе прежде славы,
Если в сердце я стиха не выносил,
Ты не дай, чтоб на бумаге выписал.
Если камня из скалы не выломал —
Не похвастаться, что стены выложил.
Если котлованов не отрыл,
Чтоб не крикнул, что дворцы сложил.
Помоги не показаться правым,
Если был я глупым и лукавым,
Дай мне не возжаждать награждения
За ошибки или преступленья.
Помоги мне не казаться —
Быть!
Помоги мне правильно прожить.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Короче слов, чем «да» и «нет»...» Перевела В. Потапова	3
«Я сам не знаю, что это такое...» Перевел Б. Слуцкий	3
Первая книга. Перевел Л. Мартынов	4
Перед часами. Перевел Д. Самойлов	4
«Спросили вы меня иль не спросили...» Перевел Д. Самойлов	5
«Дерево я посадил!» Перевел Б. Слуцкий	6
«Знаете, как ловят обезьян?» Перевел Л. Мартынов	6
$2 \times 2 = 4$. Перевел Е. Евтушенко	7
«Зима прошла». Перевел Б. Слуцкий	7
Бессмысленный день. Перевел Ю. Левитанский	8
«Ты и ветер похожи...» Перевел Ю. Левитанский	8
Гамлет. Перевел Л. Гинзбург	9
Заблудившийся сон. Перевел Ю. Левитанский	10
На смерть брата. Перевел Б. Слуцкий	11
Старая песня. Перевел Е. Евтушенко	12
«Под окнами идет война с утра...» Перевел Б. Слуц- кий	13
«Кто сильнее человека...» Перевел Д. Самойлов	14
«Я так люблю тебя...» Перевел Е. Евтушенко	15
Над древними рукописями. Перевел Е. Евтушенко	16
Я армянин. Перевела В. Потапова	17
Комитас в пустыне. Перевел И. Сельвинский	18
Портрет художника. Перевел В. Берестов	19
Дождь в старом Ереване. Перевел Ю. Левитанский	20
Ночной пейзаж. Перевела И. Снегова	22
Старое дерево. Перевел Ю. Левитанский	22
«Кто вернет мне...» Перевел Д. Самойлов	23
«По яростной Лорийской крутизне...» Перевел Б. Слуцкий	24
Моя любовь. Перевел Д. Самойлов	24

«Я написать хочу слова на музыку дождя...» <i>Перевела М. Петровых</i>	24
«Ты бы в гости ко мне пришла...» <i>Перевела В. Звягинцева</i>	25
«Снег по улице летает...» <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	25
«Я не могу...» <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	26
Женщине с зелеными глазами. <i>Перевел Е. Евтушенко</i>	26
Рояль. <i>Перевел Ю. Левитанский</i>	28
«Ах, какая стужа!» <i>Перевел Б. Окуджава</i>	29
Грядущему. <i>Перевел Б. Слуцкий</i>	30

Геворг Эмин
ДОЖДЬ В ЕРЕВАНЕ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00304. Подписано к печати 3/1 1967 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн. печ. лист. Тираж 115 650.
Изд. № 183. Заказ № 3214. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ
ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ
СРОКИ И СТРАХОВЫЕ СУММЫ.**

Договоры страхования жизни заключаются с гражданами СССР в возрасте от 16 до 65 лет на срок 5, 10, 15 или 20 лет, но не далее достижения застрахованным 70-летнего возраста.

● По этим договорам Госстрах выплачивает страховую сумму самому застрахованному по окончании срока действия договора страхования, а также при постоянной утрате застрахованным общей трудоспособности от несчастного случая, происшедшего на работе или в быту.

● В случае смерти застрахованного от болезни или другой причины страховая сумма выплачивается лицу, назначенному для получения этой суммы.

● Месячный страховой взнос с каждых 100 рублей страховой суммы устанавливается в зависимости от возраста лица, желающего застраховаться, и срока страхования. Так, например, лица в возрасте 30—37 лет при пятилетнем сроке страхования и страховой сумме 300 рублей уплачивают в месяц 5 руб. 25 коп.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договора обращайтесь в инспекцию Госстраха или к агенту Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать к месту Вашего жительства или работы.

**ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО
ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОРЫ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ.**